

Лыткина Л. В.

Протожурналистика Русского государства XVI–XVII вв.

(исторический и функционально-прагматический аспекты)

Лыткина Лариса Владимировна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры филологии и журналистики
Доктор филологических наук, доцент
lylytkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию путей формирования и проблем развития национальной протожурналистики XVI–XVII вв., становлению таких явлений отечественной медиареальности, как рукописная премудрость средневековой Руси (хроники А. Никитина, Н. Искандера), публицистика И. С. Пересветова, эпистолография Ивана Грозного, контент первой русской протогазеты «Куранты».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

протожурналистика, медиатекст, интерпретация, хроника, информация, публицистика

Lytkina L. V.

Proto-Journalism of the Russian State in XVI–XVII Centuries (Historical and Pragmatic Aspects)

Lytkina Larisa Vladimirovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Philology and Journalism
Doctor of philological Sciences, associate Professor
lylytkina@yandex.ru

ABSTRACT

The article investigates the ways of formation and development of problems of the national proto-journalism XVI–XVII centuries, the emergence of such phenomena of domestic media reality, as handwritten wisdom of medieval Russia (Chronicles by A. Nikitin, N. Iskander), essay by I. S. Peresvetov, epistolography of Ivan the Terrible, the content of the first Russian proto-newspaper “Chimes”.

KEYWORDS

proto-journalism, media, interpretation, news, information, journalism

В средневековой Руси допустимо выделение нескольких форм и пространств коммуникации.

По велению Ивана Грозного, в Москве 19 апреля 1563 г. была основана первая российская государственная типография [5, с. 112]. Иван Федоров, которого называли также Московитином, вместе с печатником Петром Тимофеевичем Мстиславцем 1 марта 1564 г. издали русскую богослужебную книгу «Апостол», а летом и осенью 1565 г. напечатали два издания «Часослова».

Средневековой русской печатной книге предшествовала рукописная традиция. Национальная публицистическая тенденция заявляет о себе в летописных сводах. Исследователь начального периода российской периодики А. Шлосберг отмечал, что летописи русские содержат родственные прессе явления. По мнению ученого, в летописи, с одной стороны, обнаруживается желание увековечить достопамятные

события. Это отличает их от прессы. С другой стороны, «в летописи встречаются коротенькие извещения, сообщения, нередко с указанием не только дня, но и часа, о только-только завершившихся происшествиях» [16, с. 124–125].

А. Шлосберг, ссылаясь на статьи Н. Хрущева «О древнерусских исторических повестях и сказаниях» (1877) и А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1907), стремился выявить наличие публицистических начал в летописной литературе: «...русский летописец бывал очевидцем и даже участником описываемых событий; он нередко погружался в страстные волны житейского моря»; «летописи не всегда сохраняли свое эпическое спокойствие» [16, с. 125].

А в Ермолинской летописи (XV в.) «слышится голос современника о событиях, поразивших его своею жгучей действительностью»; «автор-летописец в своем отношении к современности является не беспристрастным излагателем» [16, с. 126].

А. Шлосберг указывает еще на один источник XV столетия, содержащий оценочные фрагменты о событиях текущих. Речь идет о «Дворцовых разрядах» — летописях придворных церемоний, разрядных книгах местничества, записи которых велись по хронологии, по дням. Исследователь обращает внимание на тот факт, что эти документы носили официальный характер, «но в них было нечто, весьма близкое к прессе, подходящее под понятие газеты. Эти записки держали своих читателей в курсе событий ежедневной жизни, хотя до массы они не доходили»; в «Дворцовых разрядах» сведения, встречающиеся в столбцах современной газеты, есть хроника городских фактов» [16, с. 127–128].

Представляется важным упомянуть некоторые, популярные в XV–XVI вв., книги. Это «Псалтирь», первая книга для обучения чтению; известны две ее модификации: так называемая «следованная Псалтирь» и «толковая Псалтирь». Первая знакомила с порядком ведения церковных служб, вторая содержала истолкование псалмов.

Еще одна рукописная книга носила название «Шестоднев», или «Беседы на Шестоднев». В ней комментировались древние христианские тексты. В книгу входило шесть отдельных трактатов, что соответствовало шести дням, когда и был сотворен мир.

Богослужебной книгой средневековой Руси считается и «Часослов», «большой» и «малый». Издание первоначально разъясняло службу часов, т. е. наиболее важных ежедневных служб. Позднее оно было дополнено текстами повседневных молитв.

«Служебник» содержит описание главных церковных служб — литургий, поэтому было допустимо называть книгу «Литургион».

Богослужебной и учебной книгой были «Святцы». В них помещались списки канонизированных православной церковью святых. Они могли быть расписаны и по месяцам. Тогда книга получала название «Месяцеслов».

В XIII в. на Руси появились рукописные книги светского содержания. Они назывались «Азбуковники» и представляли собой сборники небольших произведений светского характера или статей толкового словаря. Статьи шли по алфавиту, что объясняет название книги.

В начале XVI в. Тверь была крупным монастырским центром. В местных монастырях жили и работали представители православного Востока и константинопольского патриархата Иоанн Царьградец, Федор Иерусалимлянин, а также Фома Сирианин, монах из Греции. В 1316–1317 гг. здесь создают древнейший на Руси список Иерусалимского устава. Именно в Тверь адресовано знаменитое «Послание о рае» новгородского архиепископа Василия Калики тверскому епископу Федору Доброму. В 1327 г. была создана лицевая «Хроника Георгия Амартола» [3, с. 220–221].

Заслуживают упоминания и такие образцы ранних публицистических произведений, как «Повесть о взятии Царьграда» (1453) Нестора Искандера, «Сказание о князьях Владимирских» Иосифа Волоцкого, летописная «Повесть о смерти Василия III». Вассиан (князь Василий Иванович) Патрикеев (Косой) оставил потомкам

пять публицистических книг, посвященных полемике с иосифлянскими решениями Собора 1503 г., среди них «Слово ответне», «Слово о еретиках», «Прения с Иосифом Волоцким» [3, с. 186–187].

Самой же популярной книгой середины XVI в. была «Книга глаголемая Домострой». Составителем его предположительно был священник Сильвестр, служивший в Благовещенском соборе Московского Кремля. Книга содержала нормативную и, отчасти, программную информацию, важную для повседневной жизни русского человека. По широте охвата «Домострой» аналогичен таким фундаментальным творениям середины XVI в., как великие «Минеи Четьи», Лицевой Летописный свод, Степенная книга. Из сочинений Сильвестра достоверно известно «Житие княгини Ольги» [3, с. 188].

Светская публицистическая линия второй половины XV в. была представлена повестью о путешествии на Восток Афанасия Никитина. «Хождение за три моря» — это неофициальные, нерегулярные дневниковые записи, дополненные рассуждениями автора: «И тут есть Индейская страна, и люди ходят все наги... А детей у них много, а мужики и жонки все наги, а все черныя; аз куды хожу, ино за мной людей много, да дивятся белому человеку...». Но экзотика не заслоняла от него реальную жизнь индийского исламского государства Бахманидов. Перед нами документальное повествование о социальной действительности: «земля людна велми», крестьяне «голы велми, а бояре силны добре и пышны велми»; население делится на завоевателей-мусульман («бесерменов»), чей хан «ездит на людех», хотя «слонов у него и коний много добрых», и местных жителей («гундустанцев»), которые «все пешеходы... а все наги и босы».

Афанасий Никитин владел многими языками, часть записей он делал по-тюркски и персидски, в их числе — молитва-благопожелание далекой родной стране: «Русская земля да будет Богом хранима!... На этом свете нет страны, такой, как она, хотя князя («бегляри») Русской земли — не братья друг другу. Пусть же устроится Русская земля устроенной, хотя правды мало в ней» [3, с. 180–181].

Итак, книжная премудрость средневековой Руси до 1564 г. была рукописной. Издав в Москве «Апостол» и «Часослов», Иван Федоров и Петр Мстиславец вынуждены были вскоре покинуть страну. Они бежали в город Заблудов в Польше. Там в типографии гетмана Ходкевича ими в 1569 г. было выпущено «Учительное Евангелье». А в 1573 г. уже в Львове Иван Федоров напечатал еще одно издание «Апостола»; в 1571 г. подготовил и опубликовал первый печатный русский учебник «Азбука», издание которого повторил в 1578 г. в городе Острожек. Здесь же он впервые напечатал полную славянскую Библию. Ее называют «Острожской Библией» [1, с. 105–116].

Богослужебные и учебные русские рукописные книги, первые печатные издания явились предпосылками для развития газетного дела на Руси. Это была государственная, официальная линия развития письменных СМК (средств массовой коммуникации).

В то же время существовала и неофициальная, противоречащая царскому повелению «литература». Это подметные письма, послания, «грамотки», поучения, эпистолярная публицистика, окружные грамоты, сборники, записи устных рассказов, «фряжские листы» (летучие гравюры на меди, дереве; поступали с Запада, копировались в России с XVI столетия, заменяли нынешние афиши, содержали разнообразнейшие сведения). В Москве ими торговали в Овощном ряду у Спасских ворот. В этом «народном толкучем клубе» (Д. Ровинский) ежедневно делились разными вестями; вести комментировались бывальными людьми и разносились по городу и дальше. Это было царство устной газеты, дополнявшее летописи, «Куранты», прочие записи текущих событий [16, с. 134–135]. Были в Московском государстве и такие явления, как скоморошество и юродство. Все они оказывали влияние на

формирование общественного мнения, тем самым закладывая фундамент для будущей русской периодики [1, с. 14].

Кроме перечисленных явлений, русская протожурналистика представлена и конкретными именами. Так, в период между 1546–1549 гг. были созданы и дошли до нашего времени ряд сочинений Ивана Семеновича Пересветова. Вот некоторые из них: «Первая челобитная (Царю на утешение)», «Сказание о царе Константине», «Сказ о Магмете-султани», «Сказание о Петре, воеводе волосском», «Предсказания философов и докторов», «Вторая челобитная», «Сказание о книгах» [12].

В XIX в. — начале XX столетия публицистическое творчество И. С. Пересветова не раз становилось предметом научного рассмотрения. Упоминание о его работах встречается в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Историк отвергал подлинность произведений Пересветова, считал их написанными *post factum* в оправдание страшных деяний Ивана Грозного. Карамзин полагал имя автора псевдонимом и называл его произведения «мнимыми эпистолами», «подлогом и вымыслом».

Того же мнения о творениях И. Пересветова придерживался и историк С. Соловьев в своем исследовании «История России».

И. Добротворский упоминает «Сказания Ивана Пересветова о царе Турском Магмете» и «Сказание о Петре, волосском воеводе». Историк полагал, что эпистолы написаны в конце царства Ивана Грозного и не в оправдание его поступков, а с «желанием новых и новых порядков в России».

Исследователь А. Попов в 1864 г. в книге «Обзор хронографов русских» утверждал, что имя «Иван Пересветов» — это псевдоним. Им прикрывались русские сатирики, «решившие обнаружить дурное состояние Московского государства». А имя свое — Иван Пересветов — сатирики, по мнению исследователя, возводили к Пересвету, павшему на Донском побоище. Выбранное имя означало верного слугу, готового пострадать за Отечество.

Известный ученый — филолог А. Н. Пыпин в «Истории русской литературы» придерживался этой же версии.

Историк Д. И. Иловайский в «Истории России» (1890, т. 3) писал следующее: «Эпистолы Пересветова являются не позднейшим оправданием Иоанновых жестокостей, а, наоборот, очень решительным побуждением его к сим жестокостям».

П. Н. Милюков в «Очерках по истории русской культуры» (1901) доверял текстам И. Пересветова и опровергал мнение Н. М. Карамзина.

Профессор В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» (1906) отметил: «Челобитная как будто была написана... в оправдание опричнины».

Одним из наиболее серьезных исследований о деятельности И. Пересветова следует считать работу В. Ф. Ржиги с характерным названием «И. С. Пересветов — публицист XVI в.». Книга была опубликована в 1908 г. в Москве. В. Ржига считал Пересветова автором политических памфлетов, врагом боярства и вельмож; сторонником самодержавной власти царя и верных слуг его, выдвинутых не родовойностью, а личными достоинствами.

«Сказание о царе Константине», по мнению В. Ржиги, это не повествование о византийском императоре Константине I. Исследователь обнаруживает в тексте явные намеки на русское царство. В частности, в «Сказании» содержится рассказ, обличающий вельмож, которые притесняли малолетнего царя, обеспечивая себе выгодное положение.

«Сказание о Магмете-султани» своей идеей также ориентировано на Московское государство. В этом произведении И. Пересветов, обличая вельмож, прибегает к авторитету Петра, волосского воеводы, который был «великий доброхот государю».

По мнению В. Ржиги, И. Пересветов именно на вельмож возлагал ответственность на темные стороны жизни государства. А избавление от всех зол он видел в крепкой царской власти, настаивал на том, чтобы она была неограниченной.

И если «Сказание о царе Константине» — это рассказ о дурном правлении в «греческом» царстве, то «Сказание о Магмете-султани» рисует, по замечанию В. Ржиги, идеальное правление султана турецкого, идеальный порядок в государстве. Султан Магмет провел преобразования в своем «Турецком» царстве: отменил прежние наместничества с кормлениями, велел доходы собирать в казну, а вельможам назначил определенное жалованье. Провел реформу судебной системы: разослал по городам своих верных пашей на жаловании, повелел судебную пошлину взимать в казну, чтобы сами судьи «не искушались». В этих действиях турецкого правителя можно усмотреть параллели с реформами Ивана Грозного. Но сам рассказ о деятельности Магмета-султана лишен исторической достоверности.

И. Пересветов пишет сказание об идеальном христианском государе. Под видом «правды Турецкой» он изображает свой политический идеал. Такими он хотел видеть русские земли.

«Сказание о Петре, воеводе волоском» — это выявление и обличение темных сторон существования государства. В речь воеводы Петра вложены прямые упреки русским вельможам.

Этой же теме посвящена и «Первая челобитная (царю на утешение)». В «Первой, или Большой челобитной» И. Пересветов представляет некую программу, в которой царю ставит в пример «султана турецкого», сильного заботой о простых воинах. Его постоянная (регулярная), хорошо вооруженная и умелая армия боеспособнее огромных ополчений, которые составляли силу Руси. Такое войско лично передано правителю; на него легко опираться в борьбе со знатью. Воинов можно наделять селами не только внутри страны: хорошая армия легко добудет новые земли, например, в плодородных краях Среднего Поволжья, Казанском ханстве. По мысли И. Пересветова, наиважнейшее качество царя — самостоятельность в решениях, «самоупрямство», а противоречащих государю следует казнить [3, с. 48–49].

В. Ржига заключает свое исследование выводом: неограниченная царская власть, грозно охраняющая правду и справедливость, и войско, состоящее из верных слуг царевых, выдвинутых не родовитостью, а личными достоинствами — в этом видит И. Пересветов залог государственного благосостояния. Именно эта идея объединяет все творчество писателя. Таким образом, можно заключить: перед нами политические тексты.

XVI в. для Руси был временем превращения Московского княжества в великорусское национальное государство. Это изменило страну, в частности ее письменную культуру. Начала формироваться публицистика, порожденная необходимостью высказаться по вопросам внутреннего развития страны. И. С. Пересветов создал свои произведения — иносказания, имплицитные тексты, которые должны были прочесть и расшифровать его современники.

Произведения И. С. Пересветова важны для нас не только своим идейным содержанием, но и возможностью оценить его тексты как медийные. Публицистические свойства работ И. Пересветова можно усмотреть в наличии в них реальных документальных начал, исторических материалов, фактографии середины XVI в. Не вызывает сомнений актуальность рассматриваемых писателем тем, их релевантность времени создания произведений. Сюжеты «Сказаний», «Челобитных» и «Предсказания» построены по логике мысли повествователя, что указывает на экспозитивный тип повествования. И. Пересветов обращается к широкоохватной композиции, являющейся маркером публицистического произведения.

Существовал еще один мало исследованный историками отечественной журналистики источник образования национального публицистического текста. Речь идет о переписке царя Ивана Грозного с князем Андреем Михайловичем Курбским.

В ходе Ливонской войны русские войска под командованием Курбского 26 января 1564 г. были разбиты на реке Улле. Испугавшись царского гнева, князь в апреле

1564 г. бежал в польский лагерь, к Сигизмунду-Августу. Тогда же он отправляет послание Ивану Грозному, в котором делает попытку объяснить свой поступок и обличает единоподержавную политику царя.

В том же 1564 г. Иван IV пишет свое «Первое послание Курбскому». В 1573 г. Курбский создает памфлет «История о Великом Князе Московском», а Иван Грозный отвечает ему «Вторым посланием» (1577).

Письменное наследие царя огромно. Оно складывается преимущественно из посланий. Вот лишь некоторые из них: «Послание английской королеве Елизавете» (1570), «Первое послание шведскому королю Юхану III» (1572), «Второе послание шведскому королю Юхану III» (1573), «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь» (1573), «Послание Василию Грязному» (1574), «Послание Полубенскому» (1577), «Послание Яну Ходкевичу» (1577), «Послание польскому королю Стефану Баторию» (1581) и др.

Вернемся к посланиям князю Курбскому. По содержанию они представляли собой «своеобразные политические трактаты», рассматривающие различные вопросы государственности [8, с. 11]. «Послания» Ивана Грозного были особенными письмами, имели необычное назначение. Его послания предназначались не для одного лица, а для прочтения многими. На это прямо указывает подзаголовок «Первого послания Курбскому»: «Царево государево послание во все его Российское царство об измене клятвопреступников — князя Андрея Курбского с товарищами» [8, с. 33]. «Послания» трактовались царем как общественное достояние. В определенном смысле они исполняли обязанности нынешних газет.

Письма Курбского и послания Ивана Грозного были не простыми информационными документами. Они содержали рассуждения, логические обоснования, эмоциональные выпады, раскрывающие позиции, мнения их авторов. Кроме того, в посланиях обсуждались актуальные для XVI в. проблемы существования Российского государства, общественного строя страны, «праведной и неправедной власти».

Исследователи письменного наследия царя отмечают: «Иван Грозный был блестящим знатоком догматики, обладал прекрасной памятью, легко и часто использовал святоотеческие и библейские тексты для оправдания и обоснования своих целей и задач. Для стиля посланий Ивана Грозного были характерны: экспрессивность, близость к разговорной речи, повторения, прямые обращения к адресату. Согласно традиции, письмо должно было создавать иллюзию личного общения, и Грозный был неподражаем в этом. Стремясь держать адресата в постоянном напряжении, он допускал разговорные интонации, насмешки, язвительные замечания, необходимые для того, чтобы утратить и подавить собеседника» [8, с. 10].

Переписка Ивана Грозного и князя Курбского может быть определена и как один из первых образцов политической полемики в отечественной культуре [11, с. 104]. Как одну из форм дискуссии — прения — царь использует и в переписке с пастором Общины чешских братьев Яном Рокитой (1570). Письменное наследие Ивана Грозного можно рассматривать как явление протожурналистики.

Считается, что первая рукописная газета Московского государства появилась при династии Романовых. Царь Михаил Федорович (1613–1645) и его окружение проявили интерес к газетам Западной Европы, которые выходили с 1605–1609 гг. [13, с. 70–75]. Получаемую информацию Романовы пытались использовать и в личных целях, и для защиты государственных интересов.

Русский царь нуждался в налаживании дипломатических отношений с Европой, получении свежих сведений о деятельности правительств, жизнеустройстве людей. Посольский приказ в Москве стал тем центром, куда стекались заграничные новости из газет (подлинники привозных газет сохранились с 1631 г.), от русских послов из Пруссии, Англии, Швеции, Турции, от посещавших страну иностранцев. Из этих известий дьяками Посольского приказа делались выборки. Затем они переводились

на русский язык и переписывались на узкие и длинные листы бумаги. Так составлялась газета. Она называлась «Куранты» (от франц. «courant» — текущий), «Вестовые письма» или «Столбцы». Газета готовилась для прочтения царю и его приближенным и создавалась в глубокой тайне. В архивах сохранилось более 700 выпусков «Курантов» за 1600–1631 гг. [10, с. 5].

В этих рукописных газетах «помещались сведения: 1) о военных событиях в разных европейских государствах, иногда даже с критическими замечаниями; 2) о событиях при разных дворах, увеселениях, переписке государств между собой; 3) о действиях государственных семейств, борьбе парламента с королем в Англии; 4) о дипломатических сношениях между правительствами, договорах, союзах; 5) о редких случаях в области науки, различных явлениях всех царств природы; 6) о положении торговли в различных государствах, прибытии и отбытии судов; 7) о церковных событиях и суевериях; 8) о народных волнениях; 9) о новых книгах, имеющих успех за границей» [14, с. 133–134].

После того, как Россия в 1665 г. примкнула к Европейской почтовой системе, газеты через Ригу, а затем и через Вильны стали поступать гораздо чаще, до семи раз в месяц. По мнению историка почты М. Шедлинга, «значение „Курантов“ в истории русской культуры было больше, чем это принято считать» [14, с. 134]. Их содержание было известно не только царю и ближним боярам. Переводчики, А. Виниус и др., конечно, делились новостями со своими близкими. Так известия проникали «в верхние и торговые общества».

При Алексее Михайловиче в Москву поступало уже более 20 иностранных газет и журналов, а при Федоре Алексеевиче русская дипломатия «начинает использовать европейские газеты для публикации сведений о внутренней политике России» [10, с. 6].

Долгое время историки отечественной журналистики считали, что самый ранний по времени экземпляр «Курантов» датируется 1621 г. Но не все исследователи были согласны считать «Вестовые письма» газетой. Так, Г.В. Балицкий в книге «Зарождение периодической печати в России» (1908) задается вопросами: как определить газету? Каким требованиям она должна отвечать? По мнению исследователя, первым и характерологическим признаком повременного издания считается аудитория, или безличная публика. В этом он видит коренное отличие газеты от частного письма, хотя такое письмо тоже может быть опубликовано, стать достоянием безличной публики. Но частное письмо увидит свет с согласия автора или адресата, газета же предназначена непременно для чтения многими.

Газету следует отличать от официального документа, эдикта, приказа, манифеста, которые тоже предназначены для безличного читателя. Но они публикуются как руководство или непременно для всех сведения, нарушение которого недопустимо, от подобных публикаций нельзя отговориться. Газета же — это чтение для любопытства, добровольного желания узнать что-либо.

Вторым обязательным признаком повременного издания, по Г. Балицкому, является периодичность. Этим качеством не обладают письма и официальные документы. Таким образом, эпистолография и официальные послания не есть прототипы газеты.

Исследователь обращается к характеристике «Курантов» и отмечает, что они предназначались для царя Михаила Федоровича, а он был волен при знакомстве с содержанием материалов приглашать бояр или нет. Место чтения «Курантов» не выходило за пределы дворца; они не попадали в народ, охранялись от гласности.

На «Куранты» смотрели как на государственную тайну, на государственный акт. Таким образом, они не удовлетворяли главному условию, чтобы называться газетой: у них не было гласности, они не предназначались безличной публике.

К подобному же выводу подводит и анализ источников контента «Курантов». Главным образом это были иностранные газеты. Сначала они получались неакку-

ратно, даже случайно. Их доставляли новгородские купцы, польские или немецкие послы; иностранные путешественники завозили несколько номеров. Названные материалы принимались и оплачивались Посольским приказом.

Вторым источником «Курантов» были различные устные и письменные «вести», доходившие случайно или от специально посланных людей. Так, сохранились сведения о том, что в 1665 г. с неким Сведеном был заключен контракт на доставку им в Москву «из всех земель всяких вестей». А в 1667 г. старался получить подобную миссию любецкий купец, прося за свою работу 3–4 тыс. ефимков.

Г. Балицкий обратился к исследованию содержания «Курантов». Он отмечал, что царю делаются выписки из всего доставляемого материала, прежде всего с новостями дипломатического и политического характера (смерть короля, рождение наследника, смена правительства, перемена правления, войны, мирные договоры и переговоры, победы и поражения), а также упоминания о жизни природы (сильные грозы, ураганы, затмения, наводнения, землетрясения, голод, болезни).

По утверждению исследователя, в «Курантах» было и описание русских событий. Но сведения эти черпались из иностранных источников. Так делалось для того, «чтобы царь мог знать, как думают о нас за границей; прислушивался к голосу Запада» [2, с. 7].

Оценка контента «Курантов» позволила Г. Балицкому прийти к заключению: «Содержанием “Куранты” также разнятся от газеты; а главное — они отличаются целью, с которой это содержание сообщалось: оно должно быть руководством в государственной деятельности правительства» [2, с. 8]. Именно этими государственными требованиями и вызваны были к жизни «Куранты». И такой характер, и такое значение они сохраняли до появления первой русской газеты. Кроме того, «Куранты», как правило, составлялись в одном экземпляре, что также противоречит периодическому изданию.

Г. Балицкий, завершая оценку «Курантов», высказал следующее суждение: «источник „Ведомостей времени Петра“ надо искать среди заграничных повременных изданий. Как и многое другое, образец для газеты был взят прямо готовым с Запада. До 2 января 1703 г. газета («Петровские ведомости». — Л.Л.) не имела себе предшественников и, вступив на русскую почву уже в сформировавшемся виде, она здесь продолжала дальнейшую эволюцию».

Точка зрения Г. Балицкого на «Куранты» была не единственной. Князь П. А. Вяземский в подготовительных материалах для издания журнала Вольным обществом «Арзамас», Н. А. Полевой в статье «Обозрение русских газет и журналов с самого начала их до 1828 года» высказали мнение о том, что «Куранты», «Столбцы» или «Вестовые письма» могут быть определены как газета. С подобным утверждением мы встречаемся и в работе Н. Ширяева «Начало газетного дела в России» [15, с. 2–3].

А. Шлосберг также определял издание как газету. Он отмечал, что «Куранты», хотя и считаются рукописными извлечениями из европейских газет, выросли из летописей. Кроме того, исследователь полагал: «...древняя газета не была лишена того, что называлось направлением» [16, с. 65]. Говоря современным языком, издание имело свой формат (цель, предметно-тематическую направленность, особенности отображения действительности, методы представления мира и человека, жанровую определенность, стиль) [17].

Этой же точки зрения придерживался и Б. И. Есин в книге «Русская дореволюционная газета» (1971). Исследователь, говоря о ранних периодических изданиях газетного типа, упоминает еженедельные бельгийскую «Ниве тидинген» (1605) и французскую «Реляцио» (1609), первые ежедневные газеты в Лондоне в 1702 г., в Бостоне в 1704 г. и в Париже в 1777 г.

В России, продолжает ученый, выходу печатных изданий предшествовала рукописная газета «Куранты». Ее содержание составляли политические вести; торговая

и экономическая информация почти отсутствовали. Б. Есин отмечает, что газета содержала сведения, поступающие от русских послов: из Дании — от князя Долгорукова, из Турции — от посланника Шафировова, из Пруссии — от Бестужева.

Определяя «Куранты» как газету, исследователь все же обращает внимание на тот факт, что издание не предназначалось для массового распространения. Газета была достоянием правящей верхушки. В архивах, отмечает Б. Есин, сохранился экземпляр 1677 г. с пометкой: «Великому государю чтено в комнате, бояре слушали в передней». Кроме того, найдены сведения о том, что рукописную газету доставляли в те города, где находился царь [7, с. 9–10].

Еще один московский исследователь И. В. Обьедков, отмечая, что до Петра Московское государство не знало периодической печати, определяет «Куранты» как некое подобие рукописной газеты, которая готовилась в строгой тайне; ее читали царю вслух, иногда в присутствии бояр [10, с. 5]. Подобного мнения придерживаются и другие историки русской журналистики [См.: 6, с. 3].

Итак, «Куранты», «Столбцы» или «Вестовые письма» — это рукописное издание, не имеющее безличной аудитории, адресованное царю и его ближайшему окружению. Оно не отличалось строгой периодичностью и скорее напоминало европейские рукописные листки новостей, но не могло считаться газетой, даже газетой-ежегодником.

Основателем первого периодического издания в русском государстве стал Петр I. 27 декабря 1702 г. по его приказанию был напечатан «Юрнал» об осаде крепости Нотенбурга. А первая российская газета получила название «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах». 16 декабря Петр указал «по ведомостям о воинских и всяких делах, которые подлежат для объявления Московского и окрестных государств людям, печатать куранты. А для печатных курантов ведомости, в которых приказах о чем ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ, без молчания. А из Монастырского приказа те ведомости отсылать в печатный двор» [4; 9, с. 7]. Так было положено начало официальной газете «Ведомости».

Итак, предыстория русской журналистики — это более короткий, по сравнению с Европой, отрезок времени. Устная коммуникация на вече Великого Новгорода, скomorшество, проповеди; письменная — в виде подметных писем, «граммоток», поучений, летописей-хроник, рукописных книг и, наконец, печатных книг и русской протогазеты «Куранты» при первых царях династии Романовых, имевшей ограниченное распространение, — вот основные этапы развития дожурналистской коммуникации Московского государства. Днем рождения отечественной журналистики принято считать 2 января 1703 г., когда увидел свет первый печатный номер «Ведомостей» Петра I.

Литература

1. *Балязин В. И.* Неофициальная история России. Иван Грозный и воцарение Романовых. М.: ОЛМА — Медиа групп, 2007. 192 с.
2. *Балицкий Г. А.* Зарождение периодической печати в России. СПб.: Сенатская тип., 1908. 79 с.
3. *Беляев Л. А.* Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М.: Астрель: АСТ, 2005. 256 с.
4. *Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский Ю. В. и др.* История мировой журналистики. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов-на-Д: Издательский центр «МарТ», 2003. 432 с.
5. *Васильев В. И.* Техника научного книгопечатания. История, состояние, перспективы. М.: Наука, 1981. 210 с.
6. *Грабельников А. А.* История российской журналистики XVIII–XIX вв. М.: Акад. изд-во МЭГУ, 1995. 172 с.

7. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 88 с.
8. Иван IV Грозный. Сочинения. СПб.: Азбука-классика, 2008. 256 с.
9. Каменский А. Б. Россия в XVIII веке. М.: АСТ: Астрель, 2006. 190 с.
10. Обьедков И. В. История отечественной журналистики. М.: МГТУ ГА, 2005. 104 с.
11. Проблемы теории и истории журналистики. Иркутск: БГУЭП, 2007. 192 с.
12. Ржига В. Ф. И. С. Пересветов — публицист XVI в. М.: Б.и., 1908. 149 с.
13. Саламон Л. Всеобщая история прессы // История печати: Антология. Т. I. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 65–194.
14. Шедлинг М. Очерки по истории мировой почты // История печати: Антология. Т. 3. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 33–182.
15. Ширяев Н. А. Начало газетного дела в России. Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1876. 36 с.
16. Шлосберг А. Н. Начало периодической печати в России. СПб.: Б.и., 1911. 135 с.
17. Altheide D., Snow P. *Media Logic*. Beverly Hills, 1979.

References

1. Balyazin V. I. *Informal history of Russia. Ivan the Terrible and Romanov' accession* [Neofitsial'naya istoriya Rossii. Ivan Grozny i votsarenie Romanovykh]. М.: OLMA — Media group, 2007. 192 p. (rus)
2. Balitsky G. A. *Origin of periodicals in Russia* [Zarozhdenie periodicheskoi pechati v Rossii]. SPb.: Senat typ. [Senatskaya tip.], 1908. 79 p. (rus)
3. Belyaev L. A. *Moscow Russia: from the Middle Ages by Modern times* [Moskovskaya Rus': ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni]. М.: Astrel: AST, 2005. 256 p. (rus)
4. Bespalova A. G., Kornilov E. A., Korochensky Yu. V. *History of world journalism* [Istoriya mirovoi zhurnalistiki]. М, Rostov-on-Don: "Mart", 2003. 432 p. (rus)
5. Vasilyev V. I. *Technique of scientific publishing. History, state, prospects* [Tekhnika nauchnogo knigopечатaniya. Istoriya, sostoyanie, perspektivy]. М.: Science [Nauka], 1981. 210 p. (rus)
6. Grabelnikov A. A. *History of the Russian journalism of the XVIII–XIX centuries* [Istoriya rossiiskoi zhurnalistiki XVIII–XIX vv.]. М.: Publishing house MEHU [Akad. izd-vo MEGU], 1995. 172 p. (rus)
7. Yesin B. I. *Russian pre-revolutionary newspaper*. [Russkaya dorevolyutsionnaya gazeta]. М.: Publishing house of the Moscow University [Izd-vo Mosk. un-ta], 1971. 88 p. (rus)
8. Ivan IV the Terrible. *Compositions* [Sochineniya]. SPb.: Alphabet-classics [Azбука - klassika], 2008. 256 p. (rus)
9. Kamensky A. B. *Russia in the XVIII century* [Rossiya v XVIII veke]. М.: AST: Astrel, 2006. 190 p. (rus)
10. Obyedkov I. V. *History of domestic journalism* [Istoriya otechestvennoi zhurnalistiki]. М.: Moscow State Technical University of Civil Aviation [MGТУ ГА], 2005. 104 p. (rus)
11. *Problems of the theory and history of journalism* [Problemy teorii i istorii zhurnalistiki]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law [BGUEP], 2007. 192 p. (rus)
12. Rzhiga V. F. I. S. *Peresvetov — the publicist of the XVI century* [Peresvetov — publitsist XVI v.]. М., 1908. 149 p. (rus)
13. Salamon L. *General history of the press* [Vseobshchaya istoriya pressy] // Press History: Anthology [Istoriya pechati: Antologiya]. Vol. 1. М.: Aspect Press, 2002. P. 65–194. (rus)
14. Shedling M. *Sketches on stories of world mail* [Ocherki po istorii mirovoi pochty] // Press History: Anthology [Istoriya pechati: Antologiya]. Vol. 3. М.: Aspect Press, 2008. P. 33–182. (rus)
15. Shiryayev N. A. *Beginning of newspaper matter in Russia* [Nachalo gazetnogo dela v Rossii]. Odessa: typ. of Ulrich and Shultz [tip. Ul'rikha i Shul'tse], 1876. 36 p. (rus)
16. Shlosberg A. N. *Beginning of periodicals in Russia* [Nachalo periodicheskoi pechati v Rossii]. SPb. 1911. 135 p. (rus)
17. Altheide D., Snow P. *Media Logic*. Beverly Hills, 1979.